

(ПОСТ)СОВЕТСКИЙ СПОРТ: В ПОИСКАХ МОДЕЛИ ДЛЯ ТОП-МОДЕЛЕЙ

Олег Кильдюшов

«Покажи мне, как ты бегаешь,
и я расскажу тебе об обществе,
в котором ты живешь».

Х. Эйхберн, исследователь спорта

Спорт всегда связан с социальным контекстом. Однако, несмотря на очевидную банальность данного утверждения, в этой связи кроется интеллектуальная задача, решить которую пытались многие

великие умы. Речь здесь не только о том, что Платон и Аристотель благожелательно высказывались об играх, а Сартр и Витгенштейн обращались к понятиям спорта и игры при разработке своих концепций человеческой деятельности. Для начала может быть продуктивной постановка вопроса о социологии спорта в духе социального теоретика Норберта Элиаса: как связаны между

собой (нынешнее) развитие структур и организационных форм такого досуга, как спорт, с тенденциями в развитии организации труда и структур социального действия в ходе цивилизационного процесса?

Применительно к нашей ситуации эту проблему можно сформулировать в виде вопроса о поиске постсоветским спортом новых институциональных форм, адекватных

как нынешней общественно-экономической модели в России, так и структурному развитию у наших основных конкурентов (США, Китай). Причем это касается как активного занятия физической культурой и спортом, так и пассивного «потребления» спортивных игр в качестве «болельщика» или телезрителя. Речь идет о моделях взаимоотношений, затрагивающих не только профессиональных спортсменов, но и разнонаправленные интересы могущественных «внешних» игроков вроде государства, общественных организаций, а также крупных концернов, выступающих в качестве спонсоров — естественно, в надежде на трансфер позитивного имиджа спорта и спортсменов на собственные бренды и продукты в маркетинговых целях.

Последнее напрямую связано массовыми представлениями в сфере медийной антропологии, где важную роль занимает фигура социально успешного типа в семантическом ряду «спортсмен — телезвезда — миллионер». Вторжение рыночных принципов взорвало представление о максимальном доходе спортсмена, и теперь профессионалы, по крайней мере звезды, являются одновременно и предпринимателями в одном лице. Вместе с другими агентами рынка (клубами, спонсорами) они продают продукт «аутентичное переживание», являясь, по сути, актерами шоу-бизнеса. Однако не меньше изменилась и сама публика, превратившаяся в *sport interested consumers*. Непонимание подобных структурных изменений современного спорта, ставшего важной отраслью экономики, может приводить к когнитивному диссонансу у действующих лиц, например, после рецидивов применения советского стиля взаимоотношений со спортсменами-«звездами» — вроде известных тренерских скандалов в российском хоккее.

С другой стороны, коммерциализация и «гламуризация» спорта *à la russe* стала причиной возникновения странного антропологического феномена, вызвавшего культурный шок у Гуса Хиддинка. Этот специалист впервые в своей тренерской карьере — особенно после опыта работы со сверхмотивиро-

ванной сборной Кореи — столкнулся в лице наших лучших игроков с эдакими гламурными топ-моделями, играющими «лишь по нескольку минут в том или ином матче». Футбольные миллионеры, с ленцой отбывающие на поле свой номер (в буквальном смысле), поразили видавшего виды голландца своим отношением к делу: «Российские футболисты начинают играть лишь после забитого мяча! Вдруг появляется какое-то движение, темп, скорости... Но все это, к сожалению, длится недолго. Затем игра вновь идет на спад, наступает тишина, становится откровенно скучно. Конечно, мало кто в состоянии играть все 90 минут матча на высочайших скоростях. Но готовность к постоянному противостоянию должна быть, а ее у российских футболистов, как видно, нет...»

Разговоры об институциональном развитии постсоветского спорта идут ровно столько, сколько существует он сам. Причем катализатором их усиления выступали ожидания полного краха России как великой спортивной державы — как правило, после неудачного чемпионата мира по общественно релевантному виду спорта или в преддверии очередной олимпиады. Однако, к счастью, катастрофический сценарий в российском спорте — несмотря на всю обоснованность алармистских прогнозов многих специалистов — так и не осуществился, если судить, например, по т.н. медальному «командному зачету» на Олимпийских играх. Как известно, наша олимпийская сборная, утратив абсолютное лидерство (последняя командная победа на летних играх имела место аж в 1988 году в Сеуле, а на зимних — в 1994 году в Лиллехаммере), тем не менее на последних олимпиадах стабильно находится в тройке-пятерке лидеров. Примечательно, что эти, относительно успешные, выступления в свою очередь порождают волну разговоров о «советском заделе», наконец-то истраченном на последней олимпиаде, об утраченных тренерских кадрах, о слабой материально-технической базе подготовки сборных, не говоря уже о школах олимпийского резерва.

Между тем пекинская Олимпиада, на которой спортсмены КНР с ог-

ромным отрывом обошли как сборную России, так и доминировавших после распада СССР американцев, вновь со всей силой поставила вопрос о модели управления спортом как важнейшей отраслью. Причем теперь озадачились представители спортивной общественности и на Западе: успех китайцев поставил под сомнение саму «либеральную» модель спорта как частного бизнеса «конкурирующих агентов свободного рынка». «Невидимая рука» спорт-рынка оказалась неконкурентоспособной по сравнению с китайским «госспортом», находящимся под прямым управлением властей по советской модели. Более того, постоянные подозрения чемпионов из КНР в употреблении допинга породили призрак воспроизведения китайскими товарищами «спортивного чуда» ГДР, детско-юношеские школы и элитные спортклубы которой создавали головную боль западным конкурентам, причем не только в спортивной, но и в фармацевтической сфере. Кстати, по мнению историка спорта Кристины Айзенберг, западногерманская альтернатива «тоталитарному спорту» с институциональной точки зрения не была такой уж альтернативной, как принято считать, ограничиваясь лишь различиями в названиях. Да и сама отрасль по-прежнему находится в ведении МВД ФРГ...

Такие социально релевантные телесные практики, как спорт, служат индикатором структурных изменений общества. В результате изменяющиеся телесные образы и образцы адаптируются под изменяющиеся требования общества, а вместе с ними — представления социума о «человеке», поскольку спортивные практики являются замечательным примером социокультурных форм формирования «личности».

В России, и не только, происходит новое определение роли государства в этом процессе, например в лице крупных чиновников, посаженных во главе спортивных федераций. Немаловажную роль в этом процессе играл и продолжает играть и спортивный габитус второго президента РФ, лично инициировавшего «возвращение» государства в сферу физкультуры и спорта. Не ме-

Максим Ксута «Улицы Лондона», 2009

нее судьбоносным оказалось и мнение «простого болельщика» В. Путина, одной ремаркой практически спасшего для массового телезрителя трансляции футбольного чемпионата России по общедоступным каналам. Определившаяся таким образом власть в свою очередь определяет роль общества и прежде всего крупного бизнеса, назначенного «болеть» за определенные виды спорта — в форме прямой спонсорской поддержки. Одним словом, российские власти очень своеобразно, по-своему, отдают должное бешено растущему рынку спортивной индустрии с ее широким ассортиментом телесных образов, медийных мифологий и т.п. Причем явно с прицелом на социально-интегрирующие аспекты массовых телесных практик, являющихся в новых исторических условиях одним из важнейших способов формирования «личности».

Однако существует еще один неожиданный аспект российской спортивной политики: «вертикально интегрированный» спорт является последним «институциональным пристанищем», где по определению заранее не известны результаты, а действие регулируется общими для всех правилами, а не режиссируется сверху, как во многих других сферах российской общественной жизни. По крайней мере, по идее. Ведь современный спорт за свою более чем столетнюю историю давно превратился в культурное достояние *sui generis*. Потому всегда велик соблазн надеяться, что ему больше не нужна поддержка со стороны неспортивных игроков спортивного рынка, поскольку для своих фанатов он давно представляет самостоятельную ценность. В этом смысле будет крайне обидно, если окажется прав известный футбольный комментатор Василий Уткин, высказавшийся в том духе, что расположение команд в турнирной таблице в конце сезона в значительной мере будет зависеть от того, у кого останутся деньги. Явно намекая на то, что в резко ухудшившихся финансовых условиях назначенные «болеть» за те или иные команды региональные власти и олигархи могут попросту утратить интерес к своим «подшефным» клубам: кризис, однако...